

Научная статья

УДК: 351.82

DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-1-7-37

## РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК *BONA FIDES*: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ К НОРМЕ

**Кузьминов Ярослав Иванович<sup>1</sup>,**  
**Кошель Алексей Сергеевич<sup>2</sup>,**  
**Кручинская Екатерина Владиславовна<sup>3</sup>**

<sup>1,2,3</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

<sup>1</sup> Научный руководитель; kouzminov@hse.ru; ORCID:0000-0003-4598-0631

<sup>2</sup> Проректор, профессор департамента публичного права; koshel@hse.ru; ORCID:0000-0002-4517-8326

<sup>3</sup> Преподаватель департамента политики и управления; ekruchinskaya@hse.ru; ORCID:0000-0003-4778-3287

**Аннотация.** Платформенная экономика – это глобальный феномен, сопоставимый с индустриальной революцией по своему влиянию на масштабы и организацию рынков. При этом ни одна страна сегодня не обладает устоявшейся и гармоничной практикой регулирования платформ. Это составляет отдельную проблему государственного управления, в особенности в части аллокационной функции и возможности контроля издержек перелива для потребителя. Риск таких издержек велик, поскольку отсутствуют единые базовые правила игры для формирующих экономику платформ субъектов. Более того, обобщенного описания уже действующих, хотя и «кусочных», правил пока не появилось. В связи с этим в работе предлагается авторская концептуализация типов регулирования цифровых платформ, систематично отражающая проблему дисбалансов регулирования в отечественной и зарубежной практике. В том числе в статье используется метод качественного сравнительного анализа (QCA), результаты которого показывают, что баланс регулирования, позволяющий платформенной экономике развиваться сбалансированно, в мире не достигнут. На основании предложенной систематизации авторы полагают, что для балансировки регуляторных механизмов возможен золотой стандарт регулирования платформенной экономики, основанный на общем понятийном аппарате (глоссарии), классификаторах и закрепляемых подходах к информационному обмену, осуществляемому платформами, при этом сутевая часть регулирования должна внедряться по мере необходимости с помощью законов-спутников.

**Ключевые слова:** платформенная экономика, цифровые платформы, маркетплейс, классифайд, регулирование цифровых платформ и экосистем, правовой глоссарий, QCA.

**Для цитирования:** Кузьминов Я.И., Кошель А.С., Кручинская Е.В. Регулирование цифровых платформ как *bona fides*: от экономической эффективности к норме // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 1. С. 7–37. DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-1-7-37

**Благодарности:**

Мы выражаем искреннюю благодарность нашим коллегам Домбаеву Саламбеку Салаудиевичу, Глазатовой Марине Константиновне, Небиеридзе Лали Давидовне и Якуткиной Валерии Евгеньевне за экспертизу и поиск данных, которые частично были использованы в данной статье.

Original article

## PLATFORM REGULATION AS BONA FIDES: FROM ECONOMIC EFFICIENCY TO RULE

**Yaroslav I. Kuzminov<sup>1</sup>, Alexey S. Koshel<sup>2</sup>,  
Ekaterina V. Kruchinskaia<sup>3</sup>**

<sup>1,2,3</sup> National Research University Higher School of Economics (HSE University);  
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia.

<sup>1</sup> Academic Supervisor; kouzminov@hse.ru; ORCID:0000-0003-4598-0631

<sup>2</sup> Vice Rector, Professor at the Department of Public Law;  
koshel@hse.ru; ORCID:0000-0002-4517-8326

<sup>3</sup> Lecturer at the Department of Politics and Governance;  
ekruchinskaya@hse.ru; ORCID:0000-0003-4778-3287

**Abstract.** The platform economy is a global phenomenon with a huge social and financial outcome comparable to the Industrial Revolution. Currently, no nation-state worldwide possesses an established and harmonized regulatory practice for digital platforms. This circumstance presents a distinct challenge for public governance, particularly concerning the allocative function and the ability to control externalities for the consumer. The risk of such externalities is significant, given the absence of unified, foundational regulatory principles for entities shaping the platform economy. Furthermore, a comprehensive description of the fragmented and existing regulations has not yet been proposed. In this regard, this study offers an original conceptualization of digital platform regulation types, providing a systematic reflection of the regulatory imbalance issue in both domestic and international practices. This study also conducts qualitative comparative analysis (QCA), the results of which indicate that current approaches to regulating the platform economy do not provide optimal conditions for its balanced development. Consequently, further re-

search and a reconsideration of regulatory strategies are warranted. Based on this analysis we posit that a unified “gold standard” for platform economy regulation is achievable if it would be based on a shared conceptual framework (glossary), classifications, and established approaches to information exchange conducted by platforms, while the substantive aspects of regulation should be implemented as needed through supplementary legislation.

**Keywords:** platform economy, digital platform, marketplace, classified, digital platform regulation, legal glossary, QCA.

**For citation:** Kuzminov, Ya.I., Koshel, A.S., and Kruchinskaia, E.V. (2025) ‘Platform regulation as bona fides: From economic efficiency to rule’, *Public Administration Issues*, 1, pp. 7–37. (In Russian). DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-1-7-37

**JEL Classification:** K2.

## Масштабы и направления развития цифровых платформ: как экономический феномен опередил свое регулирование

Сегодня экономические институты всех стран переживают серьезную трансформацию как за счет внешних шоков и перераспределения ресурсов (Deryugina et al., 2024), так и за счет повсеместного развития онлайн-торговли, электронной коммерции, платформенной экономики<sup>1</sup> (Xia, Baghaie, Sajadi, 2024). В центре этого – цифровые платформы.

Мы определяем цифровую платформу следующим образом: это сайт и (или) страница в сети Интернет, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, предназначенные и (или) используемые в целях реализации товаров, работ, услуг, предоставляющие возможность ознакомления с информацией о товарах, работах, услугах, предложениями о заключении договора купли-продажи, договора возмездного выполнения работ, договора возмездного оказания услуг, а также в отдельных случаях позволяющие дистанционно заключить указанные договоры и произвести предварительную оплату товаров, работ, услуг.

Согласно теореме Коуза (Coase, 1960), низкие транзакционные издержки экономического института наряду с четко определенными правами собственности могут являться фактором высокой устойчивости рынка, его экономической эффективности и фактором обеспечения эффекта

<sup>1</sup> В академической литературе существует несколько вариантов трактования термина «платформенная экономика». Поскольку на сегодняшний момент термин не закреплен, а данные по цифровым платформам часто включают в себя и электронную коммерцию, для наиболее полной оценки экономического эффекта вклада цифровых сервисов в экономику авторы настоящей статьи придерживаются самой широкой трактовки цифровых платформ и платформенной экономики и согласны с концепцией Кенни и Зисмана (2016), в которой под «платформенной экономикой» (или «цифровой платформенной экономикой») понимается совокупность онлайн-механизмов с алгоритмами, которые организуют и структурируют социальные и экономические действия и транзакции. Авторы статьи разделяют мнение о том, что понятие «электронная коммерция» является более узким и соподчиненным по отношению к понятию цифровой платформы.

масштаба. Представляется, что именно за счет практически мгновенного доступа к информации о продуктах и возможности покупки продуктов «здесь и сейчас» онлайн-торговля обладает околонулевыми транзакционными издержками в сравнении с традиционной торговлей (Brynjolfsson, McAfee, 2014). Это, согласно вышеупомянутой теореме, позволило электронной коммерции уже с 2010 г. развиваться экспоненциальными масштабами. По состоянию на 2013 г. мировой рынок электронной коммерции «business-to-customer» (B2C) достиг 1,2 трлн долл., а рынок «business-to-business» (B2B) – 13 трлн долл. (Munoz et al., 2023). Для сравнения масштаба, в 2013 г. чистые годовые продажи крупнейшей компании Nestle составляли 99,5 млрд долл.<sup>2</sup> По данным, представленным на Конференции ООН по торговле и развитию, общая стоимость платформенных компаний с рыночной капитализацией более 100 млн долл. в 2017 г. превысила 7 трлн долл. (UNCTAD, 2019), что составляет около 20% мирового валового внутреннего продукта (ВВП). Согласно экспертным оценкам, этот тренд роста не сократится вплоть до 2029 г. (см. рис. 1).

Так, цифровые платформы, являясь высокоэффективной формой организации рынков товаров и услуг, предоставляют участникам на несколько порядков более широкий круг поставщиков и потребителей (Lafuente et al., 2022; Goldfarb, Tucker, 2019; Acs et al., 2014). Конкурентные цены, устанавливающиеся в условиях обеспечения участников цифровых платформ бесплатной для них информацией, существенно ниже наблюдаемых в традиционной рознице. С другой стороны, масштабы спроса, формируемые цифровыми платформами, позволяют выходить на рынок и специализироваться миллионам граждан (микропредприятий), обладающим востребованными компетенциями (OECD, 2021).

Рисунок 1

### Мировая динамика развития платформ



Источник: Statista, 2024.

<sup>2</sup> URL: <https://www.statista.com/statistics/226902/net-sales-of-leading-10-food-companies-worldwide/> (дата обращения: 29.01.2025).

Платформы развиваются во всем мире, но только у трех стран есть глубоко развитый рынок национальных цифровых платформ. Это США, Китай и Россия. Также стоит отметить Европейский союз, Республику Корея и Индию как крупнейших игроков на рынке платформ в мире (Ma, 2024; Ларионова, Шелепов, 2024). Несмотря на то, что в этих странах не имеется собственных глобальных цифровых платформ, на их территории успешно функционируют международные цифровые платформы США и Китая. Оценим динамику развития платформ в этих странах.

Общая оценка вклада в экономику только четырех компаний-экосистем в США, которые работают на базе цифровых платформ – Apple, Microsoft, Alphabet (Google) и Amazon – составляет около 20% акционерного капитала публично торгуемых компаний в США по состоянию на 2023 г. (Mamonov, 2023).

Опыт двух других стран – владельцев платформ показывает не менее значимые результаты. В период с 2001 по 2018 г. доля цифровой экономики составила не менее 74,4% роста ВВП Китая (Huang, 2022). Уже к 2023 г. добавленная стоимость основных отраслей цифровой экономики составляла не менее 8% от ВВП Китая, придав мощный экономический и технологический импульс для развития социальных и иных отраслей страны (Chen, Liu, 2024). В России же, по оценкам экспертов, суммарный вклад цифровизации в прирост ВВП может составить от +2,7 п.п. до +6,7 п.п. с 2024 по 2030 гг. (НИУ ВШЭ, 2024).

В Европейском союзе по состоянию на 2023 г. общий доход от электронной коммерции составил 631,9 млрд долл., а, по прогнозам экспертов, при росте не менее 9% в год это значение составит 902,3 млрд долл. в 2027 г. (International Trade Administration, 2024).

Республика Корея также демонстрирует динамичное развитие в сфере электронной коммерции. Анализ рынка электронной коммерции, проведенный GlobalData<sup>3</sup>, показывает, что в 2023 г. рынок электронной коммерции и платформенной экономики достиг объема в 114,2 млрд долл.

Наконец, обороты платформенной экономики набирают масштабы и в Индии: функционирующий на территории страны рынок интернет-коммерции по состоянию на март 2024 г. можно оценить в 147 млрд долл. с потенциалом роста к 2028 г. до 292 млрд долл. (на 18,7%) по расчетам Global Data<sup>4</sup>. Согласно отчету, опубликованному Национальным институтом трансформации Индии (NITI) Aayog, велика вероятность, что к 2029–2030 гг. численность платформенно занятых в Индии увеличится до 23,5 млн человек – это 6,7% всей рабочей силы, не занятой в сельском хозяйстве (ILO, 2024).

Для оценки потенциала сбалансированного развития платформ в этих юрисдикциях обратимся к показателю среднего дохода на пользователя (далее – ARPU). Это один из ключевых возможных инструментов для оценки

<sup>3</sup> URL: <https://www.globaldata.com/media/banking/south-korea-e-commerce-market-to-surpass-170-billion-mark-in-2028-forecasts-globaldata/> (дата обращения: 29.01.2025).

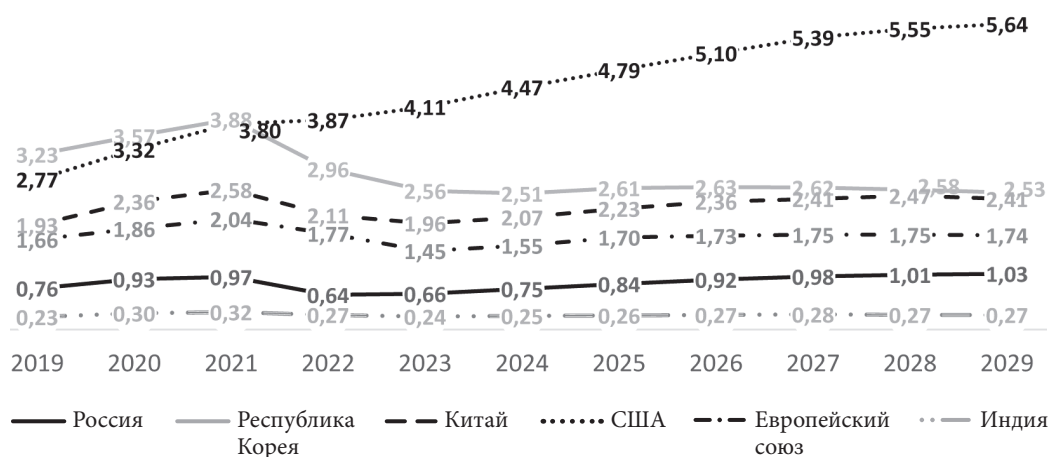
<sup>4</sup> URL: <https://www.globaldata.com/media/banking/india-e-commerce-payments-surpass-147-billion-2024-forecasts-globaldata/> (дата обращения: 29.01.2025).

финансовой эффективности и устойчивости цифровых платформ, поскольку позволяет стандартизировать сравнение монетизационной результативности платформ различного масштаба и отслеживать динамику изменения ценности предоставляемых цифровых услуг. Повышение ARPU отражает успешность бизнес-модели и может свидетельствовать о долгосрочном потенциале роста платформы в условиях конкурентной цифровой среды.

Для анализа использованы данные Statista, описывающие продажу физических товаров через цифровые каналы непосредственно конечным потребителям (модель B2C). Данные охватывают транзакции, совершаемые со стационарных и мобильных устройств через веб-сайты или мобильные приложения. Это данные по компаниям, как работающим исключительно онлайн, так и имеющим физические точки продаж, но осуществляющим торговлю и через Интернет. Данные получены из годовых финансовых отчетов компаний, национальных статистических органов, Google и Alibaba-Trends, а также из отраслевых экспертных оценок. Набор данных исключает транзакции C2C, B2B, а также перепродажу товаров. В работе анализируются транзакции компаний, представляющих традиционные платформы (Alibaba, Aliexpress, Amazon, Ozon, Wildberries), и компаний, занимающихся электронной коммерцией (М.Видео, Samsung, Walmart). Это соответствует определению цифровых платформ, которое используется в статье как основное.

Рисунок 2

**Средний доход платформы от одного пользователя, тыс. долл.**



Источник: Statista, 2024.

Представленные Statista данные о среднем доходе на пользователя (см. рис. 2) в разных странах демонстрируют неравномерные тенденции развития цифровых платформ. В то время как США демонстрируют стабильный рост ARPU на протяжении всего рассматриваемого периода, другие страны, такие как Республика Корея и Китай, после периода роста показывают снижение или стагнацию. Россия и Европейский союз также демонстрируют колебания в динамике ARPU, что указывает на специфичные для

каждой страны траектории развития. Эти неоднородные тренды подчеркивают важность углубленного изучения отдельных платформ и их адаптации к экономическим и правовым условиям различных стран.

Необходимость задать регуляторные рамки деятельности цифровых платформ обусловлена тем, что главной составляющей эффективного функционирования рынка наряду с малыми транзакционными издержками выступает определение границ прав собственности (Coase, 1960). Если такие границы не определены, возникает достаточно высокий риск оппортунизма платформ, а также упущенных выгод для государства в виде недополученных налоговых поступлений (Bourreau, Kraemer, 2022) – классический случай упущенных выгод по Пигу (Pigou, 1920). Это ведет к парето-неоптимальности: выигрыш платформ не всегда компенсирует потери других участников рынка, что для государства является провалом в средней и долгосрочной перспективе.

Безусловно, платформы могли бы достичь консенсуса на основании «общественного договора», но в условиях асимметрии информации и высокой конкуренции кооперация может оказаться невозможной без внешнего воздействия – т.е. регулирования (Axelrod, 1984). Именно поэтому для эффективной работы рынка необходимы четкие права собственности и регуляторная рамка, способная минимизировать транзакционные издержки и риски оппортунистического поведения, а также позволить государству эффективно выполнять аллокационную функцию.

Важно отметить, что обеспечение эффективной аллокации ресурсов является одной из фундаментальных функций государства в рыночной экономике. Это функция государства по распределению ресурсов общества (трудовых, финансовых, природных) с целью максимизировать общественное благосостояние и удовлетворять потребности граждан. В случае цифровых платформ, которые имеют значительное влияние на экономику и общество, аллокация ресурсов приобретает особое значение. Рыночные механизмы сами по себе не всегда обеспечивают оптимальное распределение ресурсов, особенно в условиях информационной асимметрии, сетевых эффектов и монополизации, характерных для цифровых рынков. Поэтому необходимо государственное вмешательство, которое способно исправить провалы рынка и обеспечить более справедливое и эффективное распределение ресурсов. Тем не менее степень этого вмешательства должна быть оценена достаточно точно. Иначе правовой механизм может негативно сказаться на развитии рынка.

Регулирование цифровых платформ должно создавать условия, при которых все участники рынка, включая платформы, пользователей и других стейкхолдеров, были бы заинтересованы в сотрудничестве и создании общей ценности, а не в ее односторонней экстракции – это решающий вопрос эффективного государственного управления.

Сегодня это не достигнуто, как будет показано в эмпирической части работы, а развитие платформ во многом – на десятилетия – опередило правовую рамку. Во всем мире законодательное регулирование цифровых платформ остается предметом дискуссий и разработок. Эта дискуссия ведется

более десятка лет, но примеры комплексных нормативно-правовых актов до сих пор отсутствуют (Heimburg, Wiesche, 2022).

Эта проблема приобретает особую значимость для российской юрисдикции, где вопросы регулирования цифровых платформ начали отдельно обсуждаться с 2020 г. Сегодня регуляторика действует преимущественно в контексте антимонопольного законодательства – посредством принятия пятого антимонопольного пакета. Однако уже можно выделить как минимум пять новых взаимосвязанных направлений, требующих регуляторного вмешательства:

- обеспечение налоговой прозрачности,
- противодействие сокрытию доходов от трудовых и гражданско-правовых отношений в рамках платформенной занятости,
- повышенные меры защиты информации<sup>5</sup>,
- защита прав потребителя, включая контроль качества и безопасности реализуемых посредством цифровых платформ товаров и услуг,
- антимонопольные меры в связи с тенденцией к монопольному росту отдельных крупных цифровых платформ и цифровых экосистем<sup>6</sup>.

В ответ на то, что вызовы, связанные с этими направлениями, часто проявляются в глобальной и российской практике, расширение законодательного регулирования деятельности цифровых платформ носит реактивный характер. Правовая «реакция» основывается на последствиях уже произошедших экономических или социальных негативных событий и направлена на устранение правовых пробелов, повлекших провалы рынка (Tombal, 2022) или существенное нарушение прав потребителей или других участников торгового оборота. Использование специализированных макроэкономических прогнозов для принятия решений о внедрении той или иной регуляторной рамки является скорее исключением. Такой подход, являясь точечным, порождает серьезные правовые лакуны и повышает вероятность принятия регуляторных мер, которые могут стать препятствием для экономического роста и научно-технического прогресса. Кроме того, в ситуации неопределенности регуляторам проще (и быстрее) согласовывать жесткие меры, затрагивающие наибольшее количество участников рынка, что является классическим примером стратегии с нулевой суммой в долгосрочном периоде. В этом случае выигрыш одной стороны, будь то бизнес или государство, достигается за счет проигрыша другой стороны – в данном случае потребителя. В то же время стратегия игнорирования мер защиты прав потребителей может нанести экономический ущерб как государству, так и потребительскому рынку уже в краткосрочном периоде.

<sup>5</sup> В том числе посредством введения штрафных и иных санкций к цифровым платформам за нарушения в сфере обработки данных (включая оборотные штрафы), за оборот запрещенной информации (в том числе наносящий вред национальной безопасности), а также за введение ограничений в отношении отечественных поставщиков информации и производителей интернет-продуктов.

<sup>6</sup> Здесь в первую очередь понимаются меры защиты малых участников рынка (производителей, поставщиков услуг и продавцов), а также антимонопольные меры, применяемые к цифровым экосистемам, создающим высокую добавленную стоимость реализуемых товаров за счет использования преимуществ цифровой экосистемы для отдельного пользователя.



Важно отметить, что в обоих крайних случаях повышаются транзакционные издержки участников рынка, и эффективность платформенной экономики как института может быть утеряна (Vallas, Schor, 2020).

## Ключевые регуляторные практики: концептуализация жесткого, мягкого и усредненного регулирования

Сегодня имеется юридическая и исследовательская проблема: во-первых, отсутствует пример единого рамочного закона, направленного на гармонизацию регулятивных усилий в сфере деятельности платформ. Во-вторых, не представлено систематизации зарубежных примеров регулирования – это затрудняет возможность использовать правовое и нормативное заимствование при разработке национального законодательства регулирования платформ. В настоящей работе будет приведен краткий обзор и анализ норм с целью выявления паттернов развития законодательства в области цифровых платформ. Это может считаться первым шагом к решению проблемы систематизации законодательства в этом вопросе, что поможет выявить правовые лакуны и в отечественном регулировании.

Мировой опыт нормативного регулирования деятельности цифровых платформ, интернет-коммерции в странах с развитой платформенной экономикой представляет собой три этапа развития законодательства о цифровых платформах в единой парадигме с учетом необходимости ответов законодателя на вызовы цифровой эпохи в рамках интернет-коммерции. Регулирование электронной коммерции и платформ в России развивалось согласно тем же мировым трендам, что будут показаны ниже.

Первый этап регулирования (2000–2011 гг.) характеризовался созданием правовой основы для осуществления торговых операций в сети Интернет, в первую очередь для обеспечения защиты потребителя как наиболее слабой (незащищенной) стороны торгового оборота.

Второй этап (2011–2020 гг.) включал в себя развитие норм по защите персональных данных. Экспоненциальный рост интереса к онлайн-торговле со стороны потребителей вызвал рост числа пользователей цифровых платформ и объемов данных, которые передаются платформам. Отсюда возникла задача защиты персональных данных пользователей цифровых платформ.

Третий этап (2020 г. – настоящее время) развития законодательства о цифровых платформах является закономерным ответом на резкий рост вычислительных мощностей, объемов обрабатываемой платформами информации, распространение интеллектуальных средств поиска и предоставление информации, увеличивающуюся доступность облачного хранения данных. Все это ставит платформы, особенно крупные, в доминирующее над платформенными продавцами, платформенными занятыми и потребителями положение, кроме того, позволяет использовать данные последних в целях контекстной рекламы.

Также третий этап регулирования является закономерным ответом на усложнение форм проявления платформенной экономики – не только

маркетплейсов<sup>7</sup>, классифайдов<sup>8</sup>, но и их гибридов – комплексных цифровых платформ<sup>9</sup>, цифровых экосистем<sup>10</sup>. В связи с этим актуальными задачами законодателя становятся повышенная защита пользователей цифровых платформ – потребителей, малых продавцов и платформенных занятых, защита конкуренции на рынке цифровых платформ. В рамках этого этапа ключевые задачи отдаются на уровень антимонопольного регулирования и защиты информации. Дальнейшее использование метода качественного сравнительного анализа (QCA) позволит установить, какие именно комбинации существующих нормативных условий могут оказывать позитивное или негативное влияние на прогнозируемый уровень ARPU (см. рис. 2) к концу данного десятилетнего периода, отсчитываемого с момента начала третьего этапа регулирования.

Особое внимание в рамках третьего этапа уделяется детерминированию новых инструментов платформенной экономики. Кроме того, возникла необходимость повышенного регулирующего воздействия на значимые цифровые платформы и цифровые экосистемы, занимающие высокую долю рынка, которые должны нести особую ответственность за нейтральность цифровых механизмов выбора товаров и услуг<sup>11</sup>. В связи с этим степень вариативности правового регулирования различна – от жесткого контроля за деятельностью платформ с обязанностью раскрытия цифровых алгоритмов до саморегулирования.

Раскроем вышеуказанные этапы более подробно. Уже с начала настоящего столетия в разных странах мира начинали появляться законы, регулирующие платформенную экономику. Первым вопросом, который подлежал регулированию, стал вопрос о защите прав потребителей с целью пресечения торговли некачественными товарами и предоставления услуг

<sup>7</sup> Цифровая платформа, посредством интернет-витрины которой оператор цифровой платформы и (или) пользователи-исполнители направляют неопределенному кругу лиц публичную оферту (размещают в сети Интернет предложения) в отношении реализуемых ими товаров и (или) выполняемых ими работ и (или) оказываемых ими услуг и которая позволяет установить контакт с пользователями-заказчиками и (или) заключить дистанционным способом договор купли-продажи, договор возмездного выполнения работ, договор возмездного оказания услуг, а также произвести предварительную оплату товаров, работ, услуг (*определение авторов статьи*).

<sup>8</sup> Цифровая платформа, на которой пользователи цифровой платформы самостоятельно размещают информацию о предлагаемых или запрос о требуемых товарах, работах, услугах и которая позволяет пользователям-исполнителям и пользователям-заказчикам установить контакт в целях заключения договора, и (или) заключить договор, и (или) произвести оплату (предварительную оплату) по заключенному договору (*определение авторов статьи*).

<sup>9</sup> Цифровая платформа, сочетающая признаки различных типов (видов) цифровых платформ (*определение авторов статьи*).

<sup>10</sup> Совокупность цифровых платформ, объединенных принадлежностью одному лицу (одной группе взаимозависимых лиц), посредством совместного и (или) взаимообусловленного функционирования которых (включая организацию единой системы авторизации и аутентификации, установление согласованной системы скидок, повышение удобства и (или) выгоды обращения одновременно к нескольким таким цифровым платформам) лицо (группа взаимозависимых лиц) привлекает повышенный интерес пользователя-заказчика, мотивирует его к совершению дополнительных покупок, заказу дополнительных услуг у лица (группы лиц), формирует дополнительную потребительскую ценность обращения к указанным цифровым платформам (*определение авторов статьи*).

<sup>11</sup> URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (дата обращения: 05.02.2025).

ненадлежащего качества. Так, в 2000 г. Европейский союз принял Директиву об электронной коммерции, цель которой состояла в обозначении границ правовой транспарентности и декларировании принципов защиты потребителей. В качестве усиления данного нормативного документа в 2011 г. была принята Директива о правах потребителей – комплексный акт, обеспечивающий защиту интересов потребителей, в том числе в цифровой среде.

Кроме того, поддержка электронной коммерции и сопутствующая ей защита прав потребителей, которые находятся в фокусе внимания законодательных органов США и Китая, осуществляется посредством двух законодательных актов соответственно: это Закон о восстановлении доверия интернет-покупателей (Restore Online Shoppers' Confidence Act – ROSCA) от 2010 г. и Закон Китайской Народной Республики об электронной коммерции (E-Commerce Law of the People's Republic of China), принятый в 2018 г. и обновленный в 2019 г.

В Южной Корее в начале 2000-х гг. были приняты Закон о защите прав потребителей в электронной коммерции и Закон о стимулировании использования информационно-коммуникационных сетей и защиты информации.

В рамках данного этапа развивалось регулирование и в России: в 2004 г. были приняты Закон о защите прав потребителей (Федеральный закон от 21.12.2004 N 171-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей” и о признании утратившим силу пункта 28 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”»), Закон о персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»).

Еще один важный аспект регулирования закономерно возник вследствие того, что потребитель, взаимодействуя с платформой или электронным ресурсом, подвержен рискам, связанным с информационной безопасностью – наряду с теми, которые были описаны выше. Этот вопрос в целом является ключевым в рамках второго и третьего этапа и логичным ответом на рост объема продаж и трансакций через электронные сервисы. Положение платформ как владельца данных закономерно приводило к тому, что цифровые платформы стали аккумулировать массивы чувствительных данных о пользователях, в первую очередь – потребителях.

Конфиденциальность и ценность такой информации обусловили реакцию законодателя в виде появления нормативных актов, касающихся защиты персональных данных (Heimburg, Wiesche, 2022). В 2011 г. в Южной Корее был принят закон о защите персональной информации, в Европейском союзе – общий регламент по защите данных (GDPR), принятый в 2016 г., в Китае – Закон о защите персональных данных, принят в 2021 г. Это показывает общую тенденцию – вопрос о персональных данных как критически важен, так и обширен, потому и регулируется отдельными отраслевыми нормативными актами в сфере защиты информации.

В Российской Федерации также есть яркий пример регуляторной меры, вписывающийся в рамки второго и третьего этапов. Во-первых,

это принятие законодательства о свободе выбора формы оплаты (онлайн или офлайн) при продаже товаров (заказе услуг) посредством цифровых агрегаторов (Федеральный закон от 05.05.2014 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»); правовое регулирование сбора и анализа данных о поведении и предпочтениях потребителей в Интернете (Федеральный закон от 01.07.2021 № 266-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Во-вторых, это пятый антимонопольный пакет, официально известный как Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”», который был принят 10 июля 2023 г. и вступил в силу 1 сентября 2023 г. Суть его состоит в усилении контроля за деятельностью крупных цифровых платформ и предотвращении злоупотреблений доминирующим положением на рынке.

С опорой на вышесказанный тезис о реактивном характере регуляторных мер можно отметить ряд коллизий в регулировании. Например, в Соединенных Штатах Америки, несмотря на существование с 1974 г. законодательства о защите персональных данных, а также ряда профильных законодательных актов, принятых в последующий период, одними из ключевых нормативных документов, регулирующих вопросы защиты данных пользователей цифровых платформ, являются законы штатов, в частности, Закон Калифорнии о защите прав потребителей (California Consumer Privacy Act, 2018) и Закон штата Калифорния о правах на неприкосновенность частной жизни (California Privacy Rights Act, 2020). Эти нормативные акты, хоть и не демонстрируют всей тенденции законодательства США относительно регулирования персональных данных, служат ориентиром для других штатов и правоприменителей в вопросах защиты данных пользователей цифровых платформ. Стоит отметить, что на федеральном уровне оформленное нормативное регулирование в этом отношении отсутствует, а разрабатываемые нормы скорее находятся в противоположной плоскости с упомянутыми ранее актами, имеющими схожесть с жестким подходом Европейского союза. Это создает коллизии, которые изначально не видны *de jure*: нормативные акты, принимаемые на уровне отдельных штатов США, несмотря на наличие общих принципов, характеризуются значительными различиями. Такое положение дел приводит к необходимости для организаций проводить тщательный анализ и нести существенные затраты для обеспечения непрерывного соответствия требованиям каждого штата. Отсутствие единого федерального закона, регулирующего цифровую экономику, вынуждает компании ориентироваться в большом количестве законов штатов, выявляя их применимость и потенциальные расхождения.

*De facto* именно в нормативном регулировании на уровне штатов США наблюдается значительная степень противоречивости. Этот пример может свидетельствовать о том, что основное внимание необходимо уделять анализу конкретных правовых норм, а не общих принципов право-

вых систем. Эта проблема усугубляется в связи с ожидаемым вступлением в силу множества новых нормативных актов в ближайшие годы (Pan et al., 2024). В это же время разрозненность национального законодательства является значимым фактором риска возникновения коллизионных положений (Afina et al., 2024).

Ввиду отсутствия единой правовой рамки, при проведении анализа регулирования цифровых платформ опираться следует на конкретные нормы юрисдикций. Разбор отдельных правовых актов позволит проверить гипотезу о том, что нынешняя практика регулирования, основанная на отдельных, не скоординированных внутри юрисдикции нормах, усиливает риск коллизий при пересечении сфер их действия или при несбалансированности строгости каждой из мер. Это ведет к неустойчивости развития платформенной экономики, ее неэффективности.

Авторы настоящей статьи предлагают типологию регулирования, основанную на анализе интенсивности государственного вмешательства, характера его воздействия на платформы и долгосрочных издержек для потребителя – даже на примере одной регуляторной меры.

Жесткое регулирование предполагает обременительные требования, существенно влияющие на операционную деятельность и финансовые результаты платформ, что может привести к сокращению их доли рынка и снижению качества функционирования.

Мягкое регулирование, напротив, характеризуется минимальным вмешательством государства, оставляя платформам значительную свободу действий. Акцент делается на рыночные механизмы и саморегуляцию. Однако отсутствие норм подвергает потребителя риску оппортунистического поведения платформ и значительным транзакционным издержкам при оспаривании решений.

Умеренное регулирование представляет собой баланс транзакционных издержек платформ, использует сдержки и противовесы. Однако оно может нивелироваться из-за слишком жестких или мягких позиций страны в отношении других норм, что наблюдается, например, на примере Европейского союза в части дисбаланса между саморегулированием (мягкая позиция) и антимонопольным законодательством (жесткая позиция) – как будет показано в дальнейшем.

Предлагается остановиться на пяти направлениях мер, которые могут считаться наиболее актуальными для регулятора (Afina et al., 2024): защите персональных данных, защите прав пользователей, платформенной занятости, антимонопольном законодательстве и саморегулировании, в том числе определив степень жесткости или мягкости регулирования (см. табл. 1).

В отличие от традиционной экономической модели, цифровая среда (Wang, 2023) с ее виртуальным, многоуровневым и непрозрачным характером создает информационную асимметрию, усложняя защиту прав потребителей. В связи с этим уровень защиты персональных данных и прав потребителей становится фактором устойчивости как цифровой, так и традиционной экономики, а в отдельных случаях – фактором национальной безопасности.

Таблица 1

**Первоначальные значения для кодирования fsQCA**

Страна	Защита персональных данных	Контроль качества и защита прав потребителя	Платформенная занятость	Эффекты монополизации	Саморегулирование	Прирост ARPU (outcome)
США	2	0	2	2	0	204%
Европейский союз	2	2	2	3	1	125%
Республика Корея	1	1	0	3	1	78%
Индия	2	3	0	0	2	117%
Китай	3	3	2	3	0	105%
Россия	3	2	1	2	0	136%

*Источники:* Составлена авторами (- и далее, если не указано иное).

### Пять направлений регулирования: практики и подходы юрисдикций

Юрисдикции демонстрируют значительное разнообразие в подходах к регулированию персональных данных, отражающее политические, экономические и культурные различия стран. В дальнейшем анализе будут использованы кейсы шести юрисдикций: Европейского союза, Индии, Республики Корея, США, Китая и России. Три последние страны выбраны по причине наличия в них собственных платформ цифровой торговли, а первые три – из-за наиболее активного развития экономики платформ и соответствующего законодательства.

Представители жесткой регуляторной позиции – Китай и Россия, где акцент делается на государственном наблюдении и национальной безопасности (Afina et al., 2024). В Китае это проявляется в широких полномочиях государства по контролю над технологическими платформами и их деятельностью, что стало возможным благодаря Закону о кибербезопасности (2017), Закону о безопасности данных и защите личной информации (2021) и Положениям об алгоритмическом управлении рекомендациями для интернет-информационных служб (2022). В России же это проявляется в требованиях по локализации данных, закрепленных в Федеральном законе «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ, и строгим мониторинге их соблюдения, включая введение оборотных штрафов за утечки персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 30.11.2024 N 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Эти страны рассматривают контроль за данными как ключевой элемент национальной безопасности и суверенитета в цифровом пространстве, активно ограничивая влияние частных платформ.

Другие страны придерживаются усредненного подхода, при котором акцент делается на балансе между защитой прав граждан, развитием инноваций и обеспечением конкуренции на рынке. Например, это страны Евросоюза с Общим регламентом по защите данных (GDPR) (General Data Protection Regulation, 2016), который вводит ограничения на деятельность крупных платформ (Heimburg, Wiesche, 2023). При этом локализация данных не является обязательной, но устанавливаются четкие правила передачи и защиты данных.

США, в свою очередь, характеризуются фрагментированным регулированием на уровне штатов с акцентом на правах потребителей и обеспечении прозрачности. Примерами таких законов являются Закон штата Калифорния о защите прав потребителей, Закон штата Колорадо о защите прав потребителей и Закон о защите данных потребителей (Вирджиния) (California Consumer Privacy Act, Colorado Privacy Act и Consumer Data Protection Act) (Саяпин, 2024). В Индии действует Закон о защите цифровых персональных данных 2023 г. (Digital Personal Data Protection Act), имеющий экстерриториальное действие. Он распространяется на обработку персональных данных как на территории страны, так и за ее пределами, если такая обработка связана с предложением товаров или услуг владельцам данных, находящимся в Индии. Закон устанавливает обязательства для доверенных лиц в отношении данных (Data Fiduciaries), определяющих цели и средства обработки данных. Эти лица обязаны обеспечивать соблюдение прав владельцев данных, а также гарантировать, что операторы данных соблюдают аналогичные права. Реализован подход «черного списка» в отношении передачи персональных данных в отдельные юрисдикции.

Примером мягкого подхода является Южная Корея. Регулирование персональных данных здесь основано на Законе о защите личной информации (Personal Information Protection Act, 2011) (Kim, Chang, 2024). Этот закон делает акцент на получении согласия на обработку данных и публикации политики конфиденциальности, особенно при использовании данных в маркетинговых целях.

В сфере защиты прав потребителей Китай демонстрирует жесткую политику регулирования цифровых платформ, вероятно, из-за стремления к социальной непредвзятости и поддержания потребительского спроса. Жесткое регулирование ограничивает манипулятивные приемы платформ и использование алгоритмов для неправомерных действий, включая ценовую дискриминацию. В Китае запрещается использование манипулятивных приемов, заставляющих пользователя делать выбор в пользу того или иного продукта/услуги (Jeong, 2023). Также в данной юрисдикции оператор цифровой платформы, осуществляющий на ней собственную торговую деятельность, обязан четко разграничивать ее от деятельности иных субъектов и маркировать продукт, избегая введения потребителей в заблуждение. При этом он несет ответственность как продавец товаров или поставщик услуг. В случаях когда оператору известно или должно быть известно о несоответствии товаров или услуг требованиям безопасности либо о нарушениях прав потребителей, но необходимые меры не приняты, оператор не-

сет солидарную ответственность (E-Commerce Law of the People's Republic of China, 2018). Схожий по жесткости подход наблюдается и в Индии.

Усредненный подход отмечается для законодательства стран или страновых объединений, где защита прав потребителей осуществляется через максимальную информационную открытость и законность деятельности продавцов. Например, в Европейском союзе цифровые платформы, обеспечивающие заключение дистанционных договоров между потребителями и продавцами, обязаны проверять законность деятельности последних. Цифровые платформы также должны обеспечивать повышенную прозрачность в отношении функционирования своих алгоритмов.

Мягкое регулирование цифровых платформ в части защиты прав потребителей встречается в юрисдикциях с ограниченным развитием цифровых платформ. При этом отмечается, что такая политика может вредить экономическому развитию ввиду постоянной угрозы получения некачественных благ потребителями (Afina et al., 2024). Пример такой юрисдикции – Южная Корея, где установлено лишь требование о прозрачности в отношении условий обслуживания и решений, принимаемых платформами. В США нет отдельных законов по защите прав пользователей платформ – в основном законодательство этой страны защищает их (пользователей) данные.

В России, несмотря на жесткое законодательство о защите прав потребителей в традиционной торговле, в отношении цифровых платформ регулирование только разрабатывается. В действующем законодательстве Российской Федерации в целом отсутствуют акты, которыми цифровые платформы регулировались бы как таковые (общее регулирование для всех типов цифровых платформ). Существующие законодательные акты не только регулируют деятельность цифровых платформ лишь фрагментарно (исходя из предмета соответствующей отрасли законодательства и узкоспециализированной отраслевой необходимости), но и оперируют абсолютно разрозненным терминологическим аппаратом<sup>12</sup>. Регулирование платформенной

<sup>12</sup> На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации, принятых на федеральном уровне концепциях и модельных правовых актах СНГ существует ряд разрозненных, отличающихся по своим признакам определений, означающих одни и те же правовые явления в области цифровых платформ. Так, понятие «цифровая платформа», не лишенное изъянов, содержится в Модельном законе СНГ «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств-участников СНГ», однако комплексно не урегулировано отечественным правом; понятие «маркетплейс» содержится в четырех нормативных и иных правовых актах, включая решение Совета ЕЭК; понятие «классифайд» содержится в пяти нормативных и иных правовых актах, включая два решения Совета ЕЭК; понятие, отвечающее задачам регулирования дистанционной торговли через «интернет-магазин», содержится в двух правовых актах, в разных значениях; понятие цифровой экосистемы содержится лишь в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной экосистемы. Продолжение практики создания и применения правовых актов с различным пониманием этих явлений (содержащих где-то в узком, где-то в широком значении понятия, связанные с цифровыми платформами), либо поставит перед отраслью задачу обхода того или иного регулирования, либо существенно затормозит развитие отдельных, наиболее развитых сегодня элементов, например, маркетплейсов. Дальнейшее регулирование деятельности цифровых платформ должно строиться на кодификации, т.е. на создании единого глоссария (перечня терминов и определений), единых принципов правового регулирования деятельности цифровых платформ, отвечающих широкой рамке дальнейшего регулирования, и создании единого комплексного представления о цифровых платформах, их типах и видах с перспективой их дальнейшего развития, опираясь на опыт России и зарубежных стран.



торговли услугами осуществляется не через определение цифровой платформы, а через добавление квалифицирующего признака к стандартному субъекту отношений (осуществление деятельности через Интернет либо дистанционный характер сделок). Несмотря на то, что сегодня меры регулирования имеют разрозненный характер, их можно назвать скорее умеренными.

Следующее направление регулирования – вопрос о платформенных занятых. Жесткий подход к регулированию платформенной занятости заключается в ее приравнивании к традиционным трудовым отношениям, где платформа выступает работодателем со всеми вытекающими обязательствами – например, в Канаде<sup>13</sup> (Labour Statutes Amendment Act, 2023) – данная юрисдикция не рассматривается в дальнейшем анализе.

Усредненная позиция наблюдается в Европейском союзе, Китае и США. В КНР работники платформы не рассматриваются как наемные работники (Guiding Opinions on Safeguarding the Labour Rights and Interests of Workers in New Forms of Employment, 2021), а в Европейском союзе устанавливается опровержимая презумпция трудовых отношений, если цифровая платформа контролирует выполнение работы. Бремя доказательства отсутствия трудовых отношений возлагается на саму платформу (Directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work, 2024). В 2023 г. Министерством труда США издано правило, уточняющее критерии классификации работников по Закону о справедливых трудовых стандартах (FLSA) (US Department of Labor, 2024<sup>14</sup>). Данное правило, не затрагивая действия иных федеральных, штатных или локальных нормативных актов, устанавливает, что лицо, чья деятельность экономически зависима от другого лица, признается работником, а не независимым подрядчиком (Employee or Independent Contractor Classification Under the Fair Labor Standards Act, 2024). При этом квалификация строится на оценке совокупности обстоятельств, а не отдельных факторов (O'Brien, 2024).

Мягкое регулирование платформенной занятости стимулирует ее развитие, делая особенно привлекательной для социально уязвимых групп, посредством применения минимальных стандартов и руководящих принципов. В России Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» является одним из немногих законодательных актов, охватывающих практически все виды цифровых платформ, включая маркетплейсы, классифайды и интернет-операторов работ и услуг. Статья 3 данного Закона определяет операторов электронных площадок как организации и индивидуальных предпринимателей, предоставляющих через Интернет технические, организационные, информационные и другие возможности с применением ИТ-систем для установления контактов

<sup>13</sup> Юрисдикция в дальнейшем анализе не рассматривается, являясь частным случаем жесткого регулирования.

<sup>14</sup> URL: <https://www.dol.gov/agencies/whd/flsa/misclassification/rulemaking/faqs> (дата обращения: 05.02.2025).

и заключения сделок между продавцами (исполнителями) и покупателями (заказчиками) товаров, работ, услуг и имущественных прав. Тем не менее обязательной регистрации для оказания услуг платформе не предусматривается, так что мера может быть названа мягкой.

Следующее направление – противодействие развитию монопольных эффектов от действия платформ. Опыт показывает, что формирование новых конкурентных рынков может приводить к монополизации, что, например, наблюдается в феномене уберизации<sup>15</sup>, актуальном и для России (Люттов, Войтковская, 2020).

В целом страны применяют разнообразные подходы, позволяющие поддерживать справедливую конкуренцию. Жесткое регулирование устанавливает конкретные правила, запрещающие или предписывающие определенное поведение платформ (приоритизация собственных продуктов, злоупотребление доминирующим положением и навязывание способов оплаты). Эти нормы в наиболее жестком варианте встречаются в законодательстве Европейского союза, Южной Кореи, Китая (Podszun, 2023; Ma, 2024; Li, 2024; Шелепов, Колмар, 2024).

Умеренная позиция заключается в поиске баланса между чрезмерным и недостаточным регулированием, что характерно для США (Ларионова, Доронин, 2024). Специализированное антимонопольное законодательство для цифровой сферы отсутствует, но в разработке находятся четыре законопроекта для *ex ante* регулирования цифровых рынков (Unver, 2024), налагающие запрет на преференциальное отношение платформ к собственным продуктам и услугам, а также на дискриминацию бизнес-пользователей.

В России антимонопольное регулирование представлено пятым антимонопольным пакетом, о котором было упомянуто ранее. Пятый пакет вводит более четкие критерии для определения доминирующего положения цифровых платформ, учитывая их специфику (сетевые эффекты, контроль над данными, барьеры для входа). Это позволяет антимонопольным органам эффективно идентифицировать компании, злоупотребляющие своим положением на рынке – до принятия этого пакета доказать доминирование цифровой платформы было затруднительно, потому что традиционные критерии не являлись подходящими. На сегодняшний момент регулирование в этом отношении можно назвать скорее усредненным.

Наконец, пятый аспект – саморегулирование. Являясь проявлением общественного договора, саморегулирование предполагает делегирование государством функций контроля профессиональным сообществам при условии стабильного информационного обмена, предоставляя экономическим агентам определенную свободу в установлении ориентиров и ограничений. Жесткий уровень саморегулирования может наблюдаться в том случае, ког-

<sup>15</sup> Термин «уберизация» (от английского «uberisation») описывает экономический и социальный процесс, при котором бизнес-модель, основанная на использовании цифровой платформы для связи поставщиков услуг и потребителей напрямую, становится доминирующей или оказывает значительное влияние на определенную индустрию или сферу деятельности. Этот термин возник благодаря компании Uber, которая первой масштабно применила данную модель в сфере услуг такси.

да в юрисдикции действуют саморегулируемые организации с очень узкой границей входа, отсекая маленькие и незрелые организации, а также с довольно жесткими правилами и ограничениями для участников. Усредненные и мягкие варианты предполагают как обязательность соблюдения требований, так и широту толкования, а также гибкость и динамичность.

Сочетание само- и государственного регулирования возможно при достаточной правовой зрелости общества, предполагающей выбор решений и ответственность за их последствия. При этом экономические агенты должны функционировать как резиденты в национальной юрисдикции. Усредненная позиция по данному вопросу наблюдается, например, в законодательстве Индии, где саморегулирование закреплено как диспозитивная норма, в рамках которой на платформы накладывается обязательство соблюдать правила фильтрации контента и применять саморегулирование (Das, Sharma, 2024).

Мягкая позиция, характерная для Европейского союза, заключается в предоставлении ассоциациям права разрабатывать кодексы поведения, направленные на уточнение применения Общего регламента по защите данных (GDPR), например, в отношении обработки персональных данных. Формирование этих кодексов является начальным этапом, не устанавливающим обязательств и мер ответственности, но движение к саморегулированию представляется важным для оптимального сочетания управленческих интересов государства и экономических интересов бизнеса. Также организация саморегулирования цифровых платформ существует в Южной Корее (Kim, Chang, 2023). В России по этому вопросу специальных норм не введено.

На основании вышеизложенного систематизируем практики регулирования. Жесткое регулирование, характеризующееся значительным объемом нормативных актов и строгими мерами, исторически сложилось в направлениях, не связанных с цифровыми инновациями.

Умеренное регулирование, напротив, характерно для законодательных систем стран, где: либо не сформировались национальные игроки и доминируют глобальные платформы, либо нормы регулируют процессы перехода от традиционной торговли к цифровой, а также защиту прав потребителей в цифровой среде. Примером такого подхода является законодательство Европейского союза, где акцент в защите прав потребителей делается на обеспечении максимальной информационной открытости для потребительского выбора, легитимности деятельности продавцов и прозрачности работы алгоритмов цифровых платформ. Даже в отношении новых рисков, связанных с контентом, ЕС придерживается превентивных мер, включая требования к модерации и обязательства предпринимать действия против пользователей, систематически загружающих незаконный контент, а также сообщать об угрозах жизни и безопасности.

Мягкое регулирование или наличие отдельных норм мягкого регулирования наблюдается в сферах, связанных с инновационными эффектами платформ, их посредническим характером – например, в сфере саморегулирования.

## Экономические эффекты регулирования и недостижение баланса: качественная сравнительная оценка (QCA)

Для последующего анализа предлагается остановиться на странах, где уже действуют различные нормы, касающиеся платформенной экономики, т.е. спроектированные именно в этом отношении: США, Китай, Европейский союз, Южная Корея, Индия и Российская Федерация.

Основная эмпирическая гипотеза работы состоит в том, что в настоящий момент регуляторный баланс в различных юрисдикциях не достигнут. При этом баланс может быть концептуализирован как эффективность развития платформенной экономики, а операционализирован через уже упомянутый ранее показатель ARPU. Операционализация правового показателя (баланс регулирования) через экономическую оценку подчеркивает основную идею работы: чем более сбалансировано регулирование, тем более эффективно развивается платформенная экономика. Соответственно, дисбаланс в регулировании – ситуация, обратная данному определению.

Для проверки настоящей гипотезы оптимальным методом представляется качественный сравнительный анализ (QCA) с использованием алгоритма fuzzy-set. Актуальность метода QCA для межстранового сравнения с целью выявления отсутствия регуляторного баланса заключается в его способности работать со сложными, многофакторными системами, какими являются регуляторные среды разных стран. QCA концентрируется на конфигурациях условий, а не на отдельных переменных, что позволяет анализировать, как различные сочетания факторов влияют на достижение или недостижение баланса (Ragin, 2008). QCA помогает выявить различные комбинации, которые приводят к наблюдаемым результатам, включая те, которые неизменно препятствуют достижению баланса (Мелешкина, 2015). Это особенно важно при изучении регуляторных режимов, где эффект одного фактора может быть опосредован или усилен другими.

Обратимся к первоначальной таблице сравнения стран (см. табл. 1), где каждая из цифр по направлениям регулирования обозначает жесткость подхода в юрисдикции от 0 до 3, где 0 – специальная норма не установлена, 1 – норма мягкая, 2 – норма умеренная, 3 – норма жесткая. Описание норм в каждой из юрисдикций приведено выше. При этом результатом (outcome) является прирост ARPU (2029 к 2019 гг.), т.е. то, насколько вырастет платформенная экономика в каждой юрисдикции при прочих равных условиях (в уже существующих регуляторных нормах) с начала третьего этапа регулирования. Именно поэтому используется приростный показатель – это позволяет учесть стартовые различия в уровнях развития как регулирования, так и экономической эффективности платформ между разными юрисдикциями, а также позволяет сфокусироваться на изменениях, которые прогнозируются в рамках уже сложившейся регуляторной среды. В том числе это позволит оценить, как именно текущие нормы способствуют или препятствуют росту платформенной экономики.

Для возможности работы с outcome переменная закодирована как непрерывное значение от 0 до 1 для каждого из случаев с соблюдением истинного отношения значений друг к другу. При этом сочетании факторов получается следующая таблица истинности<sup>16</sup>. Для калибровки каждой из переменных использовались пороги переключения 0, 1, 2 для мягкого, жесткого и усредненного регулирования. Заданный порог инклюзивности – 0,5. Кодировка удовлетворяет правилам fuzzy-set.

Таблица 2

### Сочетания вариантов регулирования и исхода

Количество сочетаний	pers_data	quality_control <sup>17</sup>	platform_work	monopoly	self_regulation	OUT <sup>1</sup>	Incl <sup>2</sup>	PRI <sup>3</sup>
15	1	0	1	1	0	1	0,9	0,8
31	1	1	1	1	0	1	0,7	0
20	1	1	0	0	1	1	0,5	0

**Примечания:** <sup>1</sup> Параметр показывает, наблюдается ли исход, т.е. достигается ли сравнительно более высокая доходность, чем в сочетании иных параметров (не указанных в таблице).

<sup>2</sup> Параметр показывает, насколько комбинация условий является достаточным условием для наступления исхода.

<sup>3</sup> Параметр показывает, насколько последовательно данная комбинация условий связана с исходом, учитывая все случаи исхода.

Значения первой строки Таблицы 2 подчеркивают, что одновременное наличие норм в отношении защиты персональных данных и борьбы с монополизацией при стремлении к усредненному регулированию платформенной занятости (максимальное заданное значение – 2, поэтому о жестком регулировании говорить некорректно) с наибольшей вероятностью ведет к достижению эффективности платформенной экономики. Это объясняется наибольшим порогом инклюзивности – в 90% случаев эта комбинация является достаточным условием для достижения результата, в нашем случае – наибольшего среднего значения расходов на одного покупателя платформ.

На основании данной таблицы истинности минимизируем варианты возможных сочетаний и рассчитаем основные метрики, показывающие необходимость, достаточность и эффективность сочетания регуляторных мер с целью достижения сбалансированного экономического развития платформ<sup>18</sup> (см. табл. 3).

<sup>16</sup> Таблица истинности в QCA показывает все возможные комбинации значений причинных условий (causal conditions) и их связь с исходом (outcome).

<sup>17</sup> Названия переменных, соответствующие направлению регулирования в Таблице 1.

<sup>18</sup> Представленная формула минимизации M1 представляет собой комбинацию трех путей (конъюнктов), которые, согласно анализу QCA, являются достаточными условиями для наступления исхода, обозначенного как digital\_economy\_potential. Каждый путь состоит из комбинации наличия и отсутствия (обозначенной знаком ~) условий pers\_data, quality\_control, platform\_work, monopoly\_calib и self\_regulation.

Таблица 3

**Результаты минимизации**

Сочетание	incl	PRI	covS <sup>1</sup>	covU <sup>2</sup>
platform_work_calib*monopoly_calib*pers_data_calib*~self_regulation_calib	0,8	0,5	0,8	0,7
quality_control_calib*~platform_work_calib*~monopoly_calib*pers_data_calib*self_regulation_calib	0,5	0	0,19	0,13
M1 <sup>3</sup>	0,7	0,4	0,9	

**Примечания:** <sup>1</sup> Параметр показывает, какая доля случаев, в которых наблюдается результат, может быть объяснена данной конфигурацией условий.

<sup>2</sup> Параметр показывает случаи с наблюдаемым результатом, который объясняется исключительно данной конфигурацией условий.

<sup>3</sup> Параметр показывает общую «полноту» модели, т.е. то, насколько хорошо она объясняет вариацию результатов в данных.

Первый исход является наиболее благоприятной комбинацией согласно параметрам консистенции (incl) и снижения несоответствия (PRI). Для этого сочетания характерны одновременно жесткое регулирование защиты персональных данных и монопольных эффектов при умеренном регулировании платформенной занятости. При этом не предусмотрена регуляция контроля качества и учитывается то, что саморегулирование может быть реализовано в самом мягком сценарии или не быть закреплено вовсе. Одновременно предполагается умеренный подход к платформенной занятости, т.е. наличие специальной меры.

Значение консистенции 0,8 говорит о том, что эта конфигурация, хотя и достаточно согласована с успешным развитием цифровой экономики, в 20% случаев все же не предсказывает его. Значение параметра снижения несоответствия 0,5 показывает, что эта конфигурация вносит умеренный уникальный вклад в объяснение результата.

Второй исход обладает более низким качеством и указывает на то, что единовременное присутствие жестких мер контроля качества и защиты персональных данных даже в условиях умеренной саморегуляции – менее перспективный сценарий.

В соответствии с ранее сделанными выводами относительно таблицы истинности видно, что жесткие меры защиты персональных данных и анти-монопольные меры при наличии умеренных специальных мер по платформенной занятости являются наиболее благоприятной комбинацией. При этом отсутствуют жесткие меры по регуляции контроля качества, что может быть следствием низкой необходимости таких мер при общей регуляторной сбалансированности. Этот вывод также косвенно свидетельствует о том, что наличие специальных мер, учитывающих цифровой характер экономической деятельности, нивелирует необходимость введения мер, не учитывающих такового.

Тем не менее балансом в регуляторном смысле этот подход называть было бы не вполне верно, поскольку результаты выявили два различных пути достижения высокого потенциала цифровой экономики. Несмотря

на то, что результаты модели значимы в обоих случаях, комбинации являются противоположными друг другу. Это может указывать как на отсутствие единого сбалансированного регуляторного режима, так и на неоптимальность норм в рамках одной юрисдикции. Если бы существовала сбалансированная модель регулирования, то анализ показал бы ее в виде единственного пути или набора похожих путей, которые учитывали бы все взаимосвязи между различными сферами регулирования.

Этот вывод свидетельствует о том, что нынешнее состояние регулирования может являться ограниченно сбалансированным, поскольку законодатель реагирует на отраслевой прецедент, как показывает этапность регулирования, при этом не создает общей, единой рамки, которая определяла бы правила игры для цифровых платформ в ряде ключевых опорных положений.

## Выводы

В настоящей работе были продемонстрированы темпы развития платформенной экономики и концептуализированы подходы к регулированию на основе анализа зарубежного и российского опыта. Проведенный качественный сравнительный анализ регуляторных норм в США, Европейском союзе, Республике Корея, Индии, Китае и России показал, что сбалансированное регулирование рынка цифровых платформ еще предстоит выработать.

Эмпирическая проверка гипотезы методом QCA выявила два противоположных пути в развитии цифровой экономики, что свидетельствует об отсутствии сбалансированного регуляторного режима. Первый путь – жесткое регулирование защиты персональных данных и антимонопольное регулирование при умеренном регулировании платформенной занятости. Второй путь – жесткое регулирование контроля качества и защиты персональных данных при умеренном саморегулировании цифровых платформ. Данные результаты подчеркивают ограниченную эффективность нынешней регуляторной системы, а также свидетельствуют о недостаточном учете взаимосвязанности различных сфер регулирования как в общем правовом поле, так и в рамках одной юрисдикции.

Хотя точная оценка экономического эффекта от существующего регулирования требует дополнительных исследований, сопоставление правовых норм и регуляторных практик (включая перспективные инициативы) различных стран с наблюдаемыми экономическими последствиями представляется важным методологическим шагом на пути к выработке сбалансированной регуляторной стратегии.

Формирование сбалансированной регуляторной среды, оптимальной как для государства, так и потребителей, представляется сложной задачей, требующей тщательной проработки и поиска равновесия между государственным регулированием и саморегулированием цифровых платформ. По мнению авторов, учитывая масштабы развития платформенной экономики и ее повсеместное проникновение в различные отрасли, реализация такого подхода возможна лишь посредством принятия рамочного (базового) закона. При этом сохранение отраслевого регулирования также при-

знается необходимым, но как вторичный механизм, дополняющий базовый рамочный закон. Для достижения регуляторного баланса необходим переход от реактивного к проактивному законодательству, основанному на принципах фундаментальной целостности, но с демонстрацией гибкости и адаптивности.

Создание единой регуляторной рамки для цифровых платформ является необходимым условием эффективного функционирования цифровой экономики. Отсутствие унифицированных определений ключевых понятий («цифровая платформа», «владелец платформы», «пользователь платформы» и др.) в текущем регулировании цифровых платформ создает предпосылки для коллизионного правоприменения и затрудняет его единообразное толкование. Принятие рамочного закона с детальным глоссарием позволит: во-первых, снизить вероятность ухода от регулирования посредством изменения формы деятельности; во-вторых, унификация правовых норм обеспечит антиколлизионное регулирование, устраняя противоречия между различными отраслевыми законами (например, между нормами о защите персональных данных и антимонопольным законодательством); в-третьих, четкая правовая определенность, выходящая за рамки узкого определения платформ как посредников и учитывающая их роль в сборе, обработке и анализе данных, способствует повышению прозрачности деятельности платформ и стимулирует обмен информацией между участниками рынка и регулятором.

Рассмотрение платформ в качестве инфраструктуры для цифровой экономики, а не только в качестве посредников, позволяет более адекватно учитывать их влияние на рыночные процессы. Наконец, единая рамка позволит обеспечить защиту экономических и социальных эффектов цифровых платформ, предотвращая избыточное регулирование, препятствующее инновациям и развитию. При этом важно, чтобы регуляторные меры были соразмерны и не создавали неоправданных барьеров для входа на рынок или развития существующих платформ.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

---

1. Ларионова М.В., Доронин П.А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 70–92. DOI:10.17323/1996-7845-2024-02-04
2. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Индия. Формирование регулирования технологических компаний для роста цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 127–144. DOI:10.17323/1996-7845-2024-02-07



3. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 115, № 6. С. 149–159. DOI:10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159
4. НИУ ВШЭ. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/943961082.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
5. Саяпин С.П. О защите персональных данных потребителей товаров и услуг на цифровых платформах в США // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. Т. 141, № 3. DOI:10.23670/IRJ.2024.141.74
6. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 110–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-06
7. Acs Z.J., Autio E., Szerb L. National systems of entrepreneurship: Measurement issues and policy implications // Research Policy. 2014. Vol. 43, no. 3. P. 476–494. DOI:10.1016/j.respol.2013.08.016
8. Afina Y., Buscher M., Krasodonski A., Rowe J., Sun N., Wilkinson R. Towards a global approach to digital platform regulation: Preserving openness amid the push for internet sovereignty. (Research Paper). London, Royal Institute of International Affairs. 2024. DOI:10.55317/9781784135935
9. Axelrod R. The evolution of cooperation. Basic Books, New York. 1984.
10. Bourreau M., Kraemer J. Interoperability in digital markets: boon or bane for market contestability? // SSRN Electronic Journal. 2022. DOI:10.2139/ssrn.4172255
11. Brynjolfsson E., McAfee A. The second machine age: Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. W.W. Norton, Company. 2014.
12. Buchanan J.M., Yoon Y.J. Symmetric Tragedies: Commons and Anticommons // The Journal of Law & Economics. 2000. Vol. 43, no. 1. P. 1–14. DOI:10.1086/467445
13. Chen B., Liu Y. Promotion and Advancement of Data Security Governance in China // Electronics. 2024. Vol. 13, no. 10. P. 1905. DOI:10.3390/electronics13101905
14. Coase R.H. The problem of social cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
15. Das S., Sharma D. An empirical study on conundrum of regulating Over-The-Top (OTT) platforms in India // Educational Administration: Theory and Practice. 2024. Vol. 30, no. 4. P. 8617–8626. DOI:10.53555/kuey.v30i4.2794
16. Deryugina E., Leonidov A., Ponomarenko A., Radionov S., Vasilyeva E. Network structure of the economy and the propagation of monetary shocks // The Bank of Russia Working Paper Series. 2024. DOI:10.13140/RG.2.2.31908.28807
17. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. 2024. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L\\_202402831](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202402831) (дата обращения: 05.02.2025).

18. E-Commerce Law of the People's Republic of China. 2018. URL: [http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-08/31/c\\_697283.htm](http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-08/31/c_697283.htm) (дата обращения: 05.02.2025).
19. Fair Work Act No. 28. 2009. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2009A00028/latest/text> (дата обращения: 05.02.2025).
20. Goldfarb A., Tucker C. Digital economics // *Journal of Economic Literature*. 2019. Vol. 57, no. 1. P. 3–43. DOI:10.1257/jel.20171452
21. Guiding Opinions on Safeguarding Labour Security Rights and Interests under New Forms of Employment. 2021. URL: [https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content\\_5626761.htm](https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content_5626761.htm) (дата обращения: 05.02.2025).
22. Heimburg V., Wiesche M. Digital platform regulation: opportunities for information systems research // *Internet Research*. 2023. Vol. 33, no. 7. P. 72–85. DOI:10.1108/INTR-05-2022-0321
23. HFW. Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024. Holman Fenwick Willan LLP. 2024. URL: <https://www.hfw.com/app/uploads/2024/06/006101-HFW-Digital-Markets-Competition-and-Consumers-Act-2024-1.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
24. Huang Y. The platform economy in China: Innovation and regulation // In ANU Press eBooks. 2022. P. 73–87. DOI:10.22459/ctnpsd.2022.04
25. Plan D., Robledo M., Faragasso M., D'Alessandro C. Privacy and Data Protection Compliance Will Become More Fragmented in 2024 // Cleary Gottlieb Steen, Hamilton LLP. 2024. P. 92–98. URL: <https://www.clearygottlieb.com/-/media/files/bod-2024/selected-issues-for-boards-of-directors-2024.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
26. ILO. Expansion of the gig economy in India and opportunities for Employers and Business Members Organizations. Geneva, International Labour Office. 2024.
27. International Trade Administration. European Region Retail eCommerce Forecast. 2024. URL: <https://www.trade.gov/european-retail-ecommerce> (дата обращения: 05.02.2025).
28. Jeong Y. Enhancing Policy and Regulatory Approaches to Strengthen Digital, Platform, and Data Economies // ADB Sustainable Development Working Papers Series. 2023. No. 91. December. DOI:10.22617/WPS230602-2
29. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // *Issues in Science and Technology*. 2016. Vol. 32, no. 3. P. 61–69.
30. Kim&Chang. Updates on Self-Rating Framework for Online Video Products and Trends in Online Platform Self-Regulation. 2023. URL: [https://www.kimchang.com/en/insights/detail.kc?sch\\_section=4,idx=26398](https://www.kimchang.com/en/insights/detail.kc?sch_section=4,idx=26398) (дата обращения: 05.02.2025).
31. Labour Statutes Amendment Act, BILL 48 – 2023. 4th Session, 42nd Parliament. 2023. URL: <https://www.bclaws.gov.bc.ca/civix/document/id/bills/billsprevious/4th42nd:gov48-1> (дата обращения: 05.02.2025).

32. Lafuente E., Ács Z.J., Szerb L. Analysis of the digital platform economy around the world: A network DEA model for identifying policy priorities // *Journal of Small Business Management*. 2024. Vol. 62, no. 2. P. 847–891. DOI:10.1080/00472778.2022.2100895
33. Lei X., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications // *Ain Shams Engineering Journal*. 2024. Vol. 15, no. 2. DOI:10.1016/j.asej.2023.102411
34. Li R. Antitrust Regulation of Self-Preferential Behavior of Digital Platform Operators in China // *SHS Web of Conferences*. 2024. No. 190. P. 1–7. DOI:10.1051/shsconf/202419003031
35. Ma A. Convergent antitrust regulation of the digital economy in China, the European Union and the United States: mirror of an intensifying geopolitical competition // *ARPE*. 2024. Vol. 3, art. no. 9. DOI:10.1007/s44216-024-00027-3
36. Mamonov S. Digital Platform Strategy – A Systematic Critical Review // *Proceedings of the 56th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2023. Vol. 2023, January. P. 4781–4790. URL: <https://hdl.handle.net/10125/103215> (дата обращения: 05.02.2025).
37. Munoz F., Holsapple C.W., Sasidharan S. E-commerce // In: Nof, S.Y. (eds) *Springer Handbook of Automation*. Springer Handbooks. Springer, Cham. 2023. P. 1411–1430. DOI:10.1007/978-3-030-96729-1\_67
38. OECD. *The Digital Transformation of SMEs*. OECD Publishing, Paris. 2021. DOI:10.1787/bdb9256a-en
39. Pigou A.C. *The economics of welfare*. Macmillan. 1920.
40. O'Brien J. The Back-and-Forth Battle of Defining Independent Contractors // *Missouri Law Review*. 2024. Vol. 89.
41. Podszun R. From Competition Law to Platform Regulation – Regulatory Choices for the Digital Markets Act // *Economics*. 2023. Vol. 17, no. 1. Art. no. 2022-0037. DOI:10.1515/econ-2022-0037
42. Tombal T. Ensuring contestability and fairness in digital markets through regulation: a comparative analysis of the EU, UK and US approaches // *European Competition Journal*. 2022. Vol. 18, no. 3. P. 468–500. DOI:10.1080/17441056.2022.2034331
43. UNCTAD. *Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries*. New York, United Nations. 2019.
44. Unver M.B. Regulation of the Digital Markets in the UK, US and the EU: Context, Criteria, Containment, and Beyond. In: K. Tyagi, A. K. Sanders, C. Cauffman (Eds.). *Digital Platforms, Competition Law, and Regulation: Comparative Perspectives*. Oxford, Hart Publishing. 2024. P. 177–202. DOI:10.5040/9781509969418.ch-010

45. Vallas S., Schor J. B. What do platforms do? Understanding the gig economy // *Annual Review of Sociology*. 2020. No. 46. P. 273–294. DOI:10.1146/annurev-soc-121919-054857
46. Wang R. Challenges and countermeasures for the protection of online consumer rights in the digital economy // *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023. Vol. 55, no. 1. P. 102–106. DOI:10.54254/2754-1169/55/20230969

## REFERENCES

---

1. Larionova, M.V., and Doronin, P.A. (2024) 'Problems of regulating digital platforms: difficulties and opportunities for international cooperation', *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsij*, 19(2), pp. 70–92. DOI:10.17323/1996-7845-2024-02-04
2. Larionova, M.V., and Shelepov, A.V. (2024) 'India. Formation of regulation of technology companies for the growth of the digital economy', *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsij*, 19(2), pp. 127–144. DOI:10.17323/1996-7845-2024-02-07
3. Lyutov, N.L., and Voitkovskaya, I.V. (2020) 'Taxi drivers working through online platforms: what are the legal consequences of the «uberization» of labor?', *Aktualnyje Problemy Russkogo Prava*, 6(115), pp. 149–159. (In Russian). DOI:10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159
4. HSE University (2024) *Digital transformation: Effects and risks in the new conditions*. Moscow: HSE ISSEK. (In Russian). Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/943961082.pdf> (accessed 08 February 2025).
5. Sayapin, S.P. (2024) 'On the protection of personal data of consumers of goods and services on digital platforms in the USA', *Mezhdunarodnyj Nauchno-Issledovatel'skij Zhurnal*, 3(141). (In Russian) DOI:10.23670/IRJ.2024.141.74
6. Shelepov, A.V., and Kolmar, O.I. (2024) 'Regulation of digital platforms in Russia', *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsij*, 19(2), pp. 110–126. (In Russian) DOI:10.17323/1996-7845-2024-02-06
7. Acs, Z.J., Autio, E., and Szerb, L. (2014) 'National systems of entrepreneurship: Measurement issues and policy implications', *Research Policy*, 43(3), pp. 476–494. DOI: 10.1016/j.respol.2013.08.016
8. Afina, Y., Buscher, M., Krasodonski, A., Rowe, J., Sun, N., and Wilkinson, R. (2024) *Towards a global approach to digital platform regulation: Preserving openness amid the push for internet sovereignty*. (Research Paper). London: Royal Institute of International Affairs. DOI:10.55317/9781784135935
9. Axelrod, R. (1984) *The evolution of cooperation*. New York: Basic Books.

10. Bourreau, M., and Kraemer, J. (2022) 'Interoperability in digital markets: boon or bane for market contestability?', *SSRN Electronic Journal*. DOI:10.2139/ssrn.4172255
11. Brynjolfsson, E. and McAfee, A. (2014) *The second machine age: Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies*. W.W. Norton, Company.
12. Buchanan, J.M., and Yoon, Y.J. (2000) 'Symmetric tragedies: commons and anticommons', *The Journal of Law & Economics*, 43(1), pp. 1–14. DOI:10.1086/467445
13. Chen, B., and Liu, Y. (2024) 'Promotion and advancement of data security governance in China', *Electronics*, 13(10), p. 1905. DOI:10.3390/electronics13101905
14. Coase, R.H. (1960) 'The problem of social cost', *Journal of Law and Economics*, 3, pp. 1–44.
15. Das, S., and Sharma, D. (2024) 'An empirical study on conundrum of regulating Over-The-Top (OTT) platforms in India', *Educational Administration: Theory and Practice*, 30(4), pp. 8617–8626. DOI:10.53555/kuey.v30i4.2794
16. Deryugina, E., Leonidov, A., Ponomarenko, A., Radionov, S., and Vasilyeva, E. (2024) 'Network structure of the economy and the propagation of monetary shocks', *The Bank of Russia Working Paper Series*. DOI:10.13140/RG.2.2.31908.28807
17. Goldfarb, A., and Tucker, C. (2019) 'Digital economics', *Journal of Economic Literature*, 57(1), pp. 3–43. DOI:10.1257/jel.20171452
18. Heimburg, V. and Wiesche, M. (2023) 'Digital platform regulation: opportunities for information systems research', *Internet Research*, 33(7), pp. 72–85. DOI:10.1108/INTR-05-2022-0321
19. HFW (2024) *Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024*. Holman Fenwick Willan LLP. Available at: <https://www.hfw.com/app/uploads/2024/06/006101-HFW-Digital-Markets-Competition-and-Consumers-Act-2024-1.pdf> (accessed 08 February 2025).
20. Huang, Y. (2022) *The platform economy in China: Innovation and regulation*. ANU Press eBooks, pp. 73–87. DOI:10.22459/ctnpsd.2022.04
21. Ilan, D., Robledo, M., Faragasso, M., and D'Alessandro, C. (2024) *Privacy and data protection compliance will become more fragmented in 2024*. Cleary Gottlieb Steen. Hamilton LLP, pp. 92–98. Available at: <https://www.clearygottlieb.com/-/media/files/bod-2024/selected-issues-for-boards-of-directors-2024.pdf> (accessed 08 February 2025).
22. ILO (2024) *Expansion of the gig economy in India and opportunities for Employers and Business Members Organizations*. Geneva: International Labour Office.
23. International Trade Administration (2024) *European Region Retail eCommerce Forecast*. Available at: <https://www.trade.gov/european-retail-ecommerce> (accessed 08 February 2025).

24. Jeong, Y. (2023) 'Enhancing policy and regulatory approaches to strengthen digital, platform, and data economies', *ADB Sustainable Development Working Papers Series*, 91, December. DOI:10.22617/WPS230602-2
25. Kenney, M., and Zysman, J. (2016) 'The rise of the platform economy', *Issues in Science and Technology*, 32(3), pp. 61–69.
26. Kim&Chang (2023) *Updates on self-rating framework for online video products and trends in online platform self-regulation*. Available at: [https://www.kimchang.com/en/insights/detail.kc?sch\\_section=4,idx=26398](https://www.kimchang.com/en/insights/detail.kc?sch_section=4,idx=26398) (accessed 08 February 2025).
27. Lafuente, E., Ács, Z.J., and Szerb, L. (2024) 'Analysis of the digital platform economy around the world: A network DEA model for identifying policy priorities', *Journal of Small Business Management*, 62(2), pp. 847–891. DOI:10.1080/00472778.2022.2100895
28. Lei, X., Baghaie, S., and Mohammad Sajadi, S. (2024) 'The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications', *Ain Shams Engineering Journal*, 15(2). DOI:10.1016/j.asej.2023.102411
29. Li, R. (2024) 'Antitrust regulation of self-preferential behavior of digital platform operators in China', *SHS Web of Conferences*, 190, pp. 1–7. DOI:10.1051/shsconf/202419003031
30. Ma, A. (2024) 'Convergent antitrust regulation of the digital economy in China, the European Union and the United States: mirror of an intensifying geopolitical competition', *ARPE*, 3, art. no. 9. DOI:10.1007/s44216-024-00027-3
31. Mamonov, S. (2023) 'Digital platform strategy – a systematic critical review', *Proceedings of the 56th Hawaii International Conference on System Science*, 2023-January, pp. 4781–4790. Available at: <https://hdl.handle.net/10125/103215> (accessed 08 February 2025).
32. Munoz, F., Holsapple, C.W., and Sasidharan, S. (2023) 'E-commerce', in: S.Y. Nof (ed.) *Springer Handbook of Automation*. Springer Handbooks. Springer, Cham, pp. 1411–1430. DOI:10.1007/978-3-030-96729-1\_67
33. OECD (2021) *The digital transformation of SMEs*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/bdb9256a-en
34. Pigou, A.C. (1920) *The economics of welfare*. Macmillan.
35. O'Brien, J. (2024) 'The back-and-forth battle of defining independent contractors', *Missouri Law Review*, 89.
36. Podszun, R. (2023) 'From competition law to platform regulation – regulatory choices for the digital markets act', *Economics*, 17(1), art. no. 2022-0037. DOI:10.1515/econ-2022-0037
37. Tombal, T. (2022) 'Ensuring contestability and fairness in digital markets through regulation: a comparative analysis of the EU, UK and US approaches', *European Competition Journal*, 18(3), pp. 468–500. DOI:10.1080/17441056.2022.2034331

38. UNCTAD (2019) *Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries*. New York: United Nations.
39. Unver, M.B. (2024) 'Regulation of the digital markets in the UK, US and the EU: context, criteria, containment, and beyond', in: K. Tyagi, A.K. Sanders, C. Cauffman (Eds.) *Digital platforms, competition law, and regulation: Comparative perspectives*. Oxford: Hart Publishing, pp. 177–202. DOI:10.5040/9781509969418.ch-010
40. Vallas, S., and Schor, J.B. (2020) 'What do platforms do? Understanding the gig economy', *Annual Review of Sociology*, 46, pp. 273–294. DOI:10.1146/annurev-soc-121919-054857
41. Wang, R. (2023) 'Challenges and countermeasures for the protection of online consumer rights in the digital economy', *Advances in Economics Management and Political Sciences*, 55(1), pp. 102–106. DOI:10.54254/2754-1169/55/20230969

## OFFICIAL DOCUMENTS

---

1. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work (2024) Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L\\_202402831](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202402831) (accessed 08 February 2025).
2. E-Commerce Law of the People's Republic of China (2018) Available at: [http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-08/31/c\\_697283.htm](http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2018-08/31/c_697283.htm) (accessed 08 February 2025).
3. Fair Work Act No. 28 (2009) Available at: <https://www.legislation.gov.au/C2009A00028/latest/text> (accessed 08 February 2025).
4. Guiding Opinions on Safeguarding Labour Security Rights and Interests under New Forms of Employment (2021) Available at: [https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content\\_5626761.htm](https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-07/23/content_5626761.htm) (accessed 08 February 2025).
5. Labour Statutes Amendment Act (2023) BILL 48 – 2023. 4th Session, 42nd Parliament. Available at: <https://www.bclaws.gov.bc.ca/civix/document/id/bills/billsprevious/4th42nd:gov48-1> (accessed 08 February 2025).

Статья поступила в редакцию 15.01.2025;  
одобрена после рецензирования 28.01.2025;  
принята к публикации 11.03.2025.